

С юных лет Майя Плисецкая славилась необыкновенным прыжком — строго классичным, красивым и чуть ли не запредельным. Неведомая сила взвешивала танцовщицу куда-то к колосникам, огромная сцена Большого театра не казалась такой уж пугающе огромной. Прыжковые вариации Плисецкой вызывали повышенный, отчасти сенсационный интерес, становились кульминацией любого спектакля. Хорошо помню, как балетоманы 40-х годов с замиранием сердца ждали этого маленького чуда — майиного прыжка и как, пережив его, теряли интерес ко всему остальному. Между тем уже и тогда Плисецкая виртуозно владела другим важнейшим элементом классического балета — жестом. И именно жест стал для Плисецкой основой ее техники, ее танца, ее трагедийного театра. Плисецкая вернула жесту старинный, магический, жреческий, то, что называется — иератический смысл и придала современную остроту и неслыханную смелость. В более широком плане можно сказать, что почти каждый художественный поступок Плисецкой, почти каждая ее необычная роль — это тоже жест, красноречивый и своеобразный, направленный против скучи бытия и скучности репертуара. И Кармен, и Анна, и Дама с собачкой, и Безумная из Шайо, и Айседора. Да и нынешний приезд в Москву, где более полувека назад началась ее беспримерная художественная карьера, этот самый фантастический прыжок Плисецкой — прыжок через бездну пятидесяти лет — тоже ведь жест, исполненный величия и веселья. Но, может быть, это еще и прощальный жест, хотя на вопрос, так ли это, не ответит никто, не ответит и сама Майя Михайловна.

Завтра на сцене Кремлевского дворца состоится «Явление Майи» на фоне Имперского балета Гедиминыса Таранды.

ВАДИМ ГАЕВСКИЙ